

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
С17

Серия «Самая страшная книга»
Серийное оформление: *Юлия Межова*
Иллюстрация на обложке: *Алексей Провоторов*
Составитель: *Парфенов М. С.*

С17 **Самая страшная книга 2020:** сборник рассказов.— Москва: Издательство АСТ, 2019.— 573, [1] с.— (Самая страшная книга).

ISBN 978-5-17-118943-3

Ужасное... оно повсюду. Выглядывает из темного леса, караулит под дверью, едет с тобой в одном вагоне.

Ужасное... оно всегда. В эпоху царей и во время Первой мировой, в «лихие» девяностые и в наши дни. В прошлом, настоящем, будущем.

Ужасное... оно во всем. Пялит безумные зенки сектанта, проливается с небес кровавым дождем, шепчет из жерла старой стиральной машины, звонит по домофону, доставляется курьером на дом.

Ужасное уже здесь. В твоих руках! На страницах антологии «Самая страшная книга 2020».

© Авторы, текст, 2019
© М. С. Парфенов, составление, 2019
© А. Провоторов, иллюстрация на обложке, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Привет, читатель!

Я ХОЧУ СЫГРАТЬ С ТОБОЙ В ИГРУ

Это звучит как описание фильма ужасов вроде «Пилы» или «13 заданий», но это не выдумка. Это реальность.

Каждый год группа незнакомцев собирается в одном месте и в одно время. Люди разного пола, возраста, профессий. Из разных городов и даже стран... Что их объединяет?

Желание испытать страх.

По большому счету это объединяет всех нас, поклонников хоррор-литературы, испокон веков. Еще в 1805 году князь Шаликов писал о том, какое удовольствие доставляют ему «...привидения, пещеры, кладбища» в готических романах — «потому что пугают, а страх сего рода заключает в себе что-то приятное». О том же твердили читатели — современники Брэма Стокера (среди которых мы найдем и русских поэтов Валерия Брюсова и Александра Блока), восхищавшиеся его «Дракулой». Про то же самое «наслаждение страхом» пишет один из столпов жанра, Г. Ф. Лавкрафт, в своем эссе «Сверхъестественный ужас в литературе».

Сегодня к этому хору воспевающих ужас голосов присоединяются авторы, исследователи и читатели русского хоррора.

В том числе и те два-три десятка читателей-незнакомцев, которые участвуют в создании ежегодных антологий «Самая страшная книга».

Любая литература не может существовать без читателей, и литература ужасов тоже. Но в случае с ежегодниками «Самая страшная книга» эта взаимосвязь находит себе наиболее уникальное и ощутимое применение.

Каждый год многие авторы, желающие пробиться в нашу антологию, присылают сотни текстов, многие из которых ужасны в самом худшем смысле этого слова,

но всякий раз находятся среди них и такие истории, от которых мурашки бегут по коже и кровь стынет там, где она обычно стынет.

Благодаря желающим испытать страх незнакомцам эти истории издаются, эти рассказы читают тысячи людей.

И каждый год мы говорим спасибо нашим незнакомцам, но обычно где-то на последних страницах антологии.

В этот раз мне захотелось прервать традицию и назвать их всех поименно уже в самом начале:

Анастасия Добрынина (Москва)
 Мария Семенова (Томск)
 Оксана Андреева (Краснодар)
 Дмитрий Иванов (Республика Марий Эл)
 Лидия Балабан (Калининград)
 Анастасия Колокольчикова (Домодедово)
 Дмитрий Иванов (Нижний Новгород)
 Сергей Филиппов (Тюмень)
 Мария Никитина (Балашиха)
 Татьяна Хаданович (Минск, Белоруссия)
 Ксения Бахметьева (Самара)
 Дмитрий Прокофьев (Санкт-Петербург)
 Татьяна Иванова (Тюмень)
 Анастасия Асмаловская (Краснодар)
 Дмитрий Карманов (Санкт-Петербург)
 Евгения Зобнина (Москва)
 Татьяна Рыбалко (Санкт-Петербург)
 Николай Чекмарев (пос. Хвойная, Новгородская обл.)
 Сергей Никонов (Кишинев, Молдавия)
 Павел Орловский (Домодедово)
 Елена Немчинова (Миасс)

Все они заслужили наши благодарности своим трудом — они и другие, те, кто участвовал в создании предыдущих «страшных книг».

Некоторые из этих замечательных людей помогают нам уже не первый год. Кого-то мы уже знаем лично — виделись на одной из встреч с читателями — или скоро узнаем — например, на Самом страшном фестивале,

что с недавних пор устраиваем на Хеллоуин. Некоторые из наших незнакомцев заглядывают к нам на сайт horrorbook.ru или в нашу группу Вконтакте (она так и называется — «Самая страшная книга»).

Но знаете что?

Мы всегда открыты для новых читателей! Всегда рады новобранцам в нашей «армии тьмы».

Так что заходите на наши ресурсы, пишите нам — если хотите испытать старый добрый страх.

И пусть это звучит, как слоган фильма ужасов, — в конце концов так и должно быть.

Слышишь, читатель?..

Я, «Самая страшная книга», хочу сыграть с тобой в игру.

Максим Кабир

ИСЦЕЛЕНИЕ

Кухня была крошечной, под стать хозяйке, и такой же захудалой и неухоженной. Отслоившаяся побелка, паутина в углах, рыжий таракан, обосновавшийся на допотопной газовой колонке. Журналистка оперлась о стол, но сразу убрала руки: ладони липли к клеенке. И куда бы гостя ни смещала взор, всюду бросались в глаза признаки упадка, хвори: пятна, сигаретные метки, прусаки, венозные ноги хозяйки, дырявые тапочки.

Пахло подгоревшей едой, кошачьей мочой и окурками. Алле Вольновой хотелось выйти на улицу, глотнуть декабрьского воздуха, но она напонила себе о цели визита. Выдавила вежливую улыбку.

На столе шелестел пленкой кассетный диктофон. За окнами перемещались снежные массы, словно кто-то размахивал белым полотнищем, и вырисовывались копящиеся трубы комбината.

Катерина Тюрина прижала к животу фотографию в рамке, как щитом огородилась. Единственный достоверный портрет Соломона Волкова, зернистый снимок, иллюстрировавший статью трехлетней давности «Мессия или лжепророк?».

— Может, все-таки чаю? — снова предложила Тюрина.

Выстроившиеся у мойки стаканы были черны от налета. Алла тактично отказалась.

— О чем бишь я? — Тюрина потеряла нить повествования.

— О врачах,— помогла гостя.

— Врачи,— глаза женщины затуманились,— врачи давали нам от силы год. Говорили в Москву езжать, но откуда у нас деньги на Москву? Муж ушел, пропойца. Я милостыню просила возле универсама, час просила, другой, потом так стыдно стало, хоть режь меня. Эх,—

она вытерла со щеки слезинку.— Острый лимфобластный лейкоз. В костном мозге живет, и по крови, по крови распространяется, органы кушает.

Алла зацепилась мыслями за предыдущую фразу Тюриной, про мужа. Слегка мотнула головой, стряхивая неприятные образы.

— Доктор сказал,— продолжала Тюрина,— эта болезнь составляет тридцать процентов всех случаев онкологических диагнозов. Вы представляете, сколько деток она забрала? Сколько матерей через ад прошли?

Тюрина посмотрела на фотографию, и взгляд немедленно потеплел. Так верующие смотрят на иконы.

— Волков был нашим последним шансом.

— А как вы узнали про него? — спросила Алла.

— Добрые люди сообщили. Мир слухами полнится, верно? Лешка мой в школу уже не ходил, не мог. Синий был весь, синяки по телу ни от чего. Кровь из носа... Ну и поехали мы, оно же недалеко, рукой подать. Взяли и поехали.

Женщина, как младенца, баюкала черно-белое фото, вырезанное из спекулятивной, канувшей в небытие газетенки, любовно обрамленное дешевенькими пластмассовыми планочками.

Порывы ветра заставляли стекла дребезжать. Тараканы курсировали по сальным бокам холодильника.

— Волков лично разговаривал с вами?

— Он не разговаривал. Только улыбнулся Лешке — знаете, как вот замерзнуть сильно-сильно, а дома в горячую воду залезть — вот так сделалось от его улыбки. И я поверила — сразу,— что все истина.

— Что — истина? — вскинула бровь Алла.

— У вас самой дети есть?

Вопрос не ранил. Почти. И полуправда далась легко, заученно.

— Дочь.

— Вы понимаете, каково это — мысленно хоронить свое дитя?

Алла почувствовала головокружение раньше, чем мозг изобразил черную прожорливую яму среди крестов и надгробий. Рука легла на грязную клеенку, удержаться, не рухнуть с колченогого стула. Но приступ

миновал; так волна окатывает берег и отступает, чтобы обязательно вернуться вскоре.

Тюрина ничего не заметила. Выудив из мятой пачки сигарету, она прикуривала от зажженной конфорки.

— Пять лет прошло, а будто вчера было. Палаты, лекарства. Каждую ночь вскакивала, подносила зеркальце к его носику: не умер ли? — Она затаилась, выпустила дым в облезлый потолок.— Со мной на остров женщина плыла, разыщите ее. Нина Рогачевская, ей диагноз поставили: деформация матки, бесплодие. Мы обменялись адресами, она мне письмо написала через три месяца, что ляльку ждет.— Тюрина сбила пепел в мойку.— Мы потом говорили, на обратном пути. Я спросила: а он действительно... действительно ли Волков светился, или мне померещилось в дыму? И Нина подтвердила: светился.

— В каком смысле? — Алла прищурилась.

— В волшебном,— сказала Тюрина.

Перебивая, хлопнула дверь, сквозняк вторгся в квартиру, затрепетали занавески.

— Привет, мам,— на пороге появился высокий подросток с открытым привлекательным лицом. Алла подивилась, как у невзрачной Тюриной родился такой рослый и симпатичный мальчик.— Здравствуйте,— подросток кивнул гостье.

— Это журналистка,— пояснила Тюрина,— из «Сибирского полудня».

— Очень приятно,— Алла пожалла протянутую ладонь.

Перед ней стояло живое доказательство чуда... или доказательство чудовищной ошибки провинциальных медиков. Алла склонялась ко второму варианту.

— Леша,— Тюрина повернула фотографию так, чтобы черно-белый Соломон Волков посмотрел на ее сына рыбьими глазами.— Кто это, а?

— Это Боженька,— без запинки ответил мальчик.

Автобус катил мимо фабричных фасадов, серых сугробов и пустых остановок. Редкие пешеходы плутали во

мгле; фонари мерцали из выюги. Автобус перевозил желтый свет, слащавую музыку и трех-четырёх пассажиров. Иисус взирал с календаря за спиной водителя. Играл «Ласковый май». Почему-то вспомнилось, что в детстве, услышав от бабушки о казни Христа, Алла плакала навзрыд. Как Господь допустил, что добрый, ни в чем не повинный Христос страдал на кресте, а вредная мерзопакостная Ритка из третьего «А» живет припеваючи?

Простое объяснение явилось гораздо позже. Нет ни Бога, ни справедливости. Сколько ни пичкай себя христианскими сказками, после смерти тебя съедят черви в могиле.

А как же Леша Тюрин? — поинтересовался внутренний голос, тот, что подвергал скептицизму даже сам скептицизм. Голос, незаменимый для лучшего, по словам главреда, пера «Сибирского полудня». Врачи, повторно обследовавшие Лешу, были ошарашены. Рак исцелен. И кем? Человеком, считающим себя новым Мессией, пророком, окопавшимся в изолированной деревеньке... — так по крайней мере считала мать мальчика.

Катерина Тюрина наверняка оскорбится, увидев будущую статью Вольновой. Что ж. Жизнь порой жестоко тычет нас рыльцем в наши заблуждения.

И нет в тайге человека, лечащего рак. А есть те, кто способен наживаться на убитых горем родителях.

Чудо в другом, размышляла, трясясь в ЛАЗе, Алла. Почему наивные россияне, несущие к телевизорам банки с водой, безоговорочно верящие мошенникам вроде Чумака и Кашпировского, не прут сюда массово? Нет тысяч паломников, нет шумихи в падкой до сенсаций прессе, и весь выхлоп ограничивается статьёй девяносто седьмого года, написанной неким Р. Карповым?

Мистика...

На Пролетарской в автобус ввалилась шумная троица. Пахнуло спиртным. Крашеная деваха отрывисто хохотала, дружок тискал ее ручищей в синих тюремных наколках. Третий, расхристанный, шапка набекрень, сосал «Балтику» из бутылки. Алла узнала его, втянула голову в плечи, решила выскользнуть на следующей остановке, пешком дойти...

Но мужик уже заметил ее, пьяная ухмылка завяла. Он поплелся в хвост салона, пристроился на сиденье перед Аллой, вполоборота. Андрюшка — толстое брюшко, бывший ее муж.

— Ну, привет, Алл.

— Привет.

Противно было смотреть на подбитый глаз Андрея, дышать его перегаром, видеть седину в коротко стриженных волосах. Тот парень, остроумный и робкий студент педагогического, в которого она влюбилась и за которого вышла замуж, давно испарился. На нее таращился мутными бельмами ходячий мертвец, напяливший восковую маску, дурную копию некогда любимого лица. Очередной минус обитания в маленьком городке — старых знакомых встречаешь чаще, чем хотелось бы.

— Как ты? Как живешь?

— Живу.

— Хорошо.— ЛАЗ подпрыгнул на колдобине, Андрей оплескал себя пивом, но не обратил внимания. Он так всматривался в бывшую жену, будто пытался разглядеть упорхнувшее счастье. Собрать из кусочков фотографию, где Вольновы наряжают елку и смеются. Подмывало плюнуть в него.— А мы день рождения празднуем,— сообщил Андрей, словно оправдывался за запах, за затрапезный вид,— я ж на работу устроился.

— Поздравляю,— холодно сказала Алла. Андрей лгал. Друзья докладывали, он промышлял кражей канализационных люков, получил условный срок.

Игла скакала по заезженной пластинке неловкой беседы.

— А ты как, Алл?

— Нормально.

За окном заблестели огни микрорайона, Алла поднялась.

— Малышка...

Будто бритвой по сердцу. Какая я малышка тебе, मु-дак?

— Я был на кладбище.

Не надо, пожалуйста.

— Красивый ты крест заказала.

Что ответить? «Спасибо»? «Ага»?

А крест и вправду красивый, гранитный. Под ним холмик, внизу, в мерзлом черноземе, дочурка их.

— Андрон,— окликнул собутыльник,— давай к нам, с бабой своей.

Нужно есть снег, чтобы смыть с языка горечь.

— Пока, малышка,— сказал грустно мертвец.

Алла опрометью выскочила из автобуса.

В тусклом солнечном свете кружились пылинки. Пепельное небо нахохлилось над рубероидом крыш. Коллега Вольновой строчила статью о миллениуме, кроме них двоих, никого не было в офисе «Полудня». Главред слег с пневмонией, дистанционно, из больницы, руководил процессом.

Алла сторбилась на подоконнике, теребила телефонный провод и наблюдала, как детвора за окнами лепит кособокого снеговика. Виски ломило. Среди ночи опять кто-то звонил и молчал в трубку, она подозревала, что это Шорин наяривает, человек, чей автомобиль оборвал жизнь ее трехлетней дочурки. Два года пролетело, а он не уставал напоминать о себе. Словно мало Алле воспоминаний, комковатых, как падающая на крышку гроба земля.

Алла родилась под взрывы салютов в первые минуты семидесятого года. Через пару недель ей стукнет тридцать. В новое столетие шагнет одинокая измотанная, истерзанная тетка. И чудеса ей — что скаалка безногому инвалиду.

Палец сорвался с диска: снаружи первоклашка поскользнулась, распласталась на льду. Но сердобольная мама ринулась спасать ребенка, и Алла выдохнула. Повторно набрала номер.

— Квартира! — оповестил женский голос.

— Доброе утро,— Алла чиркнула в блокноте карандашом, обвела предоставленный Тюриной номер.— Я ищу Нину Рогачевскую.

На заднем плане лепетал ребенок. Женщина спросила после продолжительной паузы.

- А вы кем будете Нине?
- Никем. Я журналистка, издание «Сибирский полдень».
- Читаем, читаем,— сказала женщина и шикнула в сторону: — Нельзя, кака!
- Так вот,— кашлянула Алла,— я хочу задать Нине несколько вопросов.
- Хватит. Брось сейчас же, не то убью,— в трубке зашелестело.— Простите, это я не вам. Нина была моей соседкой, у нас телефон на блокираторе.
- Была?
- Не стало ее весной.
- Алла прикусила кончик карандаша.
- Соболезную.
- Я тебя умоляю. Прекрати этот цирк,— в динамике грохнуло так, что Алла поморщилась.— Извините,— сказала женщина,— дети шалят. Что вы говорили?
- Как мне связаться с мужем Нины?
- Развелись они. Сыночек родился, и муж сразу убег.
- Перед внутренним взором встал Андрей в заляпанной пивом дубленке.
- С кем же ребенок остался? — забеспокоилась Алла.
- В трубке повисло молчание. Потом женщина заговорила, осторожно нащупывая слова.
- Там, милочка, такая история... страшная. Нина после родов ходила сама не своя. Боялась всего. Блазнилось ей разное. В марте она покончила с собой, в прорубь бросилась. Да не одна, а с сыночком своим долгожданным.

Покинув журналистику, Роберт Карпов переквалифицировался в частные предприниматели. Открыл химчистку. Контора его занимала гараж в запутанных лабиринтах кооператива. Автор статей о йети и НЛО стоял на четвереньках, тощей задницей к Алле, щеткой драил пестрый ковер. Полупромышленный пылесос ревел, как разгневанный зверь. Гостье пришлось трижды стучать в металлическую створку во рот.

— Ах, это вы! — Карпов выключил машину. Тряпкой вытер красные ладони.

— Не помешаю?

— Ни в коем! Давайте прогуляемся.

Они брели по извивающимся туннелям между кирпичными коробками. Была суббота, у гаражей работяги жарили шашлыки. Запах мяса смешивался с вонью горящей поодаль свалки. Пламя шуршало над мангалами.

— Значит, про волковскую коммуны пишете? — Карпов покрутил седой ус.

— Пишу, и к вам за информацией пришла. Ваше расследование девяносто седьмого года чуть ли не единственное, что можно разыскать о Волкове.

— Да какое расследование! — отмахнулся Карпов. — Заметка, не больше. Собрал сплетни оттуда, отсюда. Фото товарищи накопили. Тогда Волков еще был на слуху, это теперь про него забыли совсем.

— Правда, что он из наших краев?

— Из Назаровки родом. Деревня это на востоке области. А у нас он в интернате пребывал, для детей-инвалидов, с семьдесят девятого по восемьдесят третий. Здание интерната сгорело дотла в перестройку, архив сгорел. Из бывших сотрудников ни один Соломона Волкова не вспомнил.

— А из бывших воспитанников?

— Какой с них толк? Малахольные.

Ощетинившийся пес выскочил на тропинку, залаял. Карпов топнул ногой, швырнул в собаку снежком. Животина ретировалась за обледеневшие кусты.

— Коммуна, — сказал автор «Мессии или лжепророка», — образовалась в девяносто третьем.

— Соломону было...

— Двадцать шесть. Они поселились на крошечном острове посреди таежной реки. Какой-то приток Оби. Медвежий угол, глухие места — хрен доберешься. Да я со своей копеечной зарплатой и не пытался.

— А кто — они? — спросила Алла.

— Сперва Соломон с матерью, позже у них последователи появились, кто Соломона за святого почитал.

— Почему же он при живой матери в интернат попал?

— Мамаша его ненормальная. В психушку загремела в Красноярске, но, видно, там плохо лечили. Как выпи-сали ее, так она сынка забрала и в бега подалась, в тайгу.

«Красноярск»,— поставила галочку Алла.

— Чем они занимаются на острове?

— А черт знает. Молятся. Рыбачат. Люди доверчи-вые опять-таки еду им несут. Но они не всех принимают еще. Паломники на берегу, бывает, неделями ждут. Кто-то из волковцев на плоту подплывает, выбирает: тебе аудиенцию предоставим и тебе, а вы — вон ступайте. Вы встречались уже с Тюриной?

Алла подтвердила.

— Мозги они ей промыли знатно. Когда горе такое у человека приключилось, им манипулировать проще простого.

Алла подумала о Нине Рогачевской, ныряющей в прорубь со своим малышом. По спине побежали му-рашки.

— Но сын Тюриной выздоровел.

— Угу. Онкологи говорят, такое бывает, пускай ред-ко. Известны случаи самоизлечения даже от меланомы. Правда, бывает, что опухоль возвращается, и в еще худ-шей форме. Современная наука несовершенна...

— Выходит, славы волковцы не жаждут?

— А вы бы их лично спросили, тем паче ехать далеко не нужно. У меня дома адресок завалился парня, он два месяца в общине прожил. Затребовал деньги за интер-вью. Я бы заплатил, да начальство урезало вдвое мою писанину. Один черт, не вместились бы все.

Они намотали круг по кооперативу. Возле химчист-ки Карпов задумчиво произнес:

— Вы — милая девушка, Алла. Я вам вот что скажу, но вы не смейтесь. Моя бабка покойная преподавала рисо-вание в школе. А на пенсии гаданиями увлеклась. Были у нее карты Таро, не помню, где раздобыла. Самодель-ные, цыганские. Ни разу не соврали, клянусь. Я в эту хиромантию не верю, но то, что они правду говорили, факт. Со временем истрепались карты, и бабушка — ху-дожница же! — решила их перерисовать. Нарезала пря-моугольники из лакированного картона. Краски взяла. Полколоды нарисовала, а как дошло до карты с Сата-

ной,— Карпов выдержал театральную паузу,— бабушка рассказывала, окна в квартире распахнулись настежь, хотя погода была безветренная, и словно кто-то ей руку на плечо положил: тяжелую, когтистую. Положил, и шепчет на ухо: «Рисуй меня!»

Алла слушала доселе рационального Карпова, с трудом маскируя удивление.

— Бабка колоду порвала и не гадала больше.

— Вы к чему клоните? — спросила журналистка вежливо.

— К тому, что статья «Мессия или лжепророк» была для меня точно эта бабкина карта. Я когда материал собирал... происходило всякое. Странное. Плохое,— карие глаза Карпова заблестели.— Мне сны снились. И наяву...

— Что — наяву?

— Ничего,— бывший журналист сплюнул.— Будьте осторожны. Есть затерянная в тайге фигня, и эта фигня должна оставаться в тайге.

Счастье было душистым и мягким, как Дашина щека. Оно грызло печенье, сжимая двумя лапками, не любило каши, сидело в колготках у телевизора (отодвинься от кинескопа!), пело, перевирая, песенку из заставки мультсериала «Чудеса на виражах». Сонное счастье тербило косички, путало приснившееся и реальное, хотело дружить со всеми на детской площадке, особенно со взрослыми девочками, которым было неинтересно маленькое счастье.

Счастье оказалось хрупким, как Дашины кости, соприкоснувшиеся с бампером шоринского жигуля.

И, точно после опустошающей войны, Алла проснулась посреди чуждого выморочного мира.

Придя домой из церкви, она набрала ванну. Разделась, изучила себя в зеркале. За два года она похудела на десять килограммов. Кожа истончилась, под ней ветвились синие вены. Груды, как полупустые мешочки. Шрам сизым шнурком над зарослями лобковых волос — рубец от кесарева сечения, отсюда вышла Даша,